

Виктория понимала образ жизни своей матери и сестры, но она не хотела это видеть. Это была одна из причин, по которой она осталась с бабушкой и дедушкой. Последние двадцать четыре часа изменили ее и мир. Она почувствовала необходимость переоценить свою жизнь.

Она никому не рассказала истинную причину, по которой она не хотела предъявлять обвинения. Как она могла рассказать кому-либо о голосах в ее голове, которые говорили ей, что происходящее было правильным, когда она кончила на стоянке или когда ее избили ее бабушка и дедушка? Что бы они подумали о ней, если бы она сказала правду, что в ее голове были голоса, говорящие ей, что происходящее было правильным, даже когда она сошла с ума и знала, насколько это неправильно.

Ей было слишком неловко, чтобы вернуться в школу, и она чувствовала себя преданной теми людьми, которые видели и трогали ее, но не могли ей помочь. Она не могла вернуться к бабушке и дедушке, потому что ее дед сошел с ума.

Ее собственное тело предало ее, когда эти мальчики прикоснулись к ней и заставили ее бесконтрольно возбудиться. Ощущение их прикосновения, трения и скольжения их пальцев по ее влаге осталось в ее памяти, и она знала, что ей это снится. Она боялась, что это будут мечты, которые ей понравятся, хотя она знала, что это не так.

Все называли ее Вики, и все знали, что она ненавидит, когда ее называют Вики. Она была так возбуждена, что даже не помнила, что ее привязывали к машине.

Ее мать, сестра и Боб были единственными, кому она могла больше доверять. Она не могла доверять даже своему телу. Когда ее мать помогала ей распаковывать вещи, она спросила, придется ли ей ходить голой, как всем остальным женщинам.

- Только если ты захочешь, - сказала ее мама.

Чувство разочарования от того, что сказала мать, удивило ее. Все это было так запутанно, ее тело уже несколько месяцев находилось на пике сексуальной активности, и она не могла найти ни одного мальчика, который бы обратил на нее внимание. Единственный, кого она действительно хотела, - это Боб, а у него уже были женщины, которые делали все, что он хотел.

Когда Клаудия постучала в дверь своей комнаты, она подумала, что пришла злорадствовать, и была готова злиться на нее. Вместо этого Клаудия была очень мила и спросила, не хочет ли она компании. После того, как они обсудили свои разногласия, Клаудия спросила ее о ее сексуальной жизни.

- Не было ни кого, - сказала Виктория.

- Трудно найти хорошего человека, - сказала Клаудия.

- И хорошо бы найти сильного человека, - ответила Виктория, и они оба засмеялись. Это была шутка между ними, когда они жили с мамой.

- Боб - и то, и другое, - сказала Клаудия. - Он, вероятно, поможет тебе, если ты этого захочешь.

- Я понимаю ваш образ жизни, но не хочу присоединиться к вам, - сказала Виктория. Она почувствовала покалывание при мысли о сне с Бобом, и влажность проникала в ее щель.

- Тебе не нужно присоединяться к семье, чтобы переспать с ним. Ты - семья, и ты в нужде, он бы сделал это, если бы мама сказала ему, что он должен. Хуже всего просить маму. Или я могу

показать тебе несколько вещей. - Она наклонилась и поцеловала сестру.

Виктория была очень возбуждена от разговора с сестрой, поэтому, когда она наклонилась и поцеловала ее, она не сразу отвергла ее. Это не был один из тех неуклюжих тренировочных поцелуев, которыми они делились в подростковом возрасте, он был мягким и наполненным страстью. К тому времени, когда она подумала о том, чтобы прекратить это, она была так возбуждена, что не хотела останавливаться. Она почувствовала, как язык Клаудии скользнул по ее губам, и она открыла рот. Ее рука провела по обнаженной груди Клаудии, сбоку и скользнула вокруг ее плеча, чтобы притянуть ее ближе.

Клаудия обхватила грудь сестры одной рукой, а другая подняла ее бедро. Виктория не представляла, как хорошо целовалась ее сестра. Они сидели на кровати, и Виктория потянула Клаудию на себя, пока они продолжали целоваться и исследовать тела друг друга руками. Она почувствовала, как рука Клаудии двигалась по ее бедру и касается ее киски, рывок ее бедер был непроизвольным, и толчок к пальцам довел ее до оргазма.

- Бедная крошка, - сказала Клаудия, - позволь старшей сестре помочь. - Она натянула футболку Виктории и сняла ее через голову, взяв сосок в рот, она провела языком по нему, всасывая его и прикусывая зубами. Виктория застыла на секунду, - кульминация захлестнула ее.

Виктория застонала: - О, боже, - и потянулась к соскам Клаудии, чтобы попытаться вернуть ей услугу, но она спустилась вниз, вне досягаемости, и дергала за юбку. Она почувствовала, как Клаудия прижимается губами к ее кусту и дуют на нее, ее теплое влажное дыхание согревало ее киску. Она хотела, чтобы Клаудия продолжила свое путешествие вниз, но она вернулась и легла рядом с ней.

Лежа бок о бок, они снова поцеловались, исследуя друг друга руками, их тела вспотели, когда они прижались друг к другу. Клаудия пальцы ее сестры нашли драгоценный камень, гордо торчащий между половыми губами, и начала катать его между пальцами, а затем позволила пальцам танцевать на его кончике. Виктория потеряла и потянула соски сестры, пока ее охватил оргазм, а затем они обе были в своем блаженстве.

Они спали вместе в комнате Виктории, часто получая удовольствие друг от друга по ночам. Клаудия научила свою сестру тому, чему она научилась у Линды. Утром Виктория почувствовала себя лучше, чем всегда. Она не беспокоилась с одеждой после того, как они вместе приняли душ.

На кухне они обнаружили, что мать готовила себе завтрак. Это была ее первая ночь, когда она спала с младенцами, и она только что закончила их кормить.

- Вы двое сегодня утром выглядите очень счастливыми, - сказала Марни.

- Я очень хорошо выспалась, - ответила Виктория.

- Правда? Я думала, ты пару раз разбудишь малышей, - сказала Марни, улыбаясь.

Виктория яростно покраснела.

- Да, секс тоже был великолепен, - спокойно ответила Клаудия и поцеловала мать в губы. - Единственное, чего не хватало, - это пениса.

Эмили вошла на кухню и обсудила с Марни младенцев, пока они ели, прежде чем отправиться в комнату. Виктория была поражена тем, насколько комфортно и нормально они чувствовали

себя, сидя за столом, обнаженные, и разговаривали о младенцах. Сестра, с которой она занималась сексом всего час назад, вела себя так, как будто это было самым естественным в мире. Она была сбита с толку, ее ценности перевернулись, а ее взгляд на мир был разрушен. Она нашла безумие в мире, которое считала нормальным

Они все вместе пошли к главному дому, и Виктория заметила размер обнесенной стеной области между домом и ночлежкой и то, как это создавало оптическую иллюзию того, что ночлежка была такой же высоты, как и главный дом. Ники что-то делала с рулеткой. - Что это Ники делает? - спросила она Клаудию.

- Она работает над докторской степенью в области экологических исследований до того, как приехала сюда, поэтому она вызвалась спланировать наш парк и дом. Это чуть больше акра внутри стен, и мы хотим деревья и зону отдыха для детей и огорода.

- Мама, ты говорила с Бобом о том, что у меня будет ребенок? - сказала Клаудия.

- Некоторые молодые женщины не рожают, пока не научатся своим манерам, - строго сказала Марни.

- Да, госпожа, мне очень жаль, госпожа, - сказала Клаудия, и Виктория могла сказать, что ее сестра действительно сожалела. Это ее удивило и смутило.

Марни увидела смущение на лице Виктории и обняла ее. - Большую часть времени мы просто семья, но когда мы говорим о том, чтобы завести детей или кто-то что-то просил, требуется определенный этикет. Как Боба (Первая) ко мне обращаются как к Госпоже. Это не то, о чем тебе нужно беспокоиться.

- Если она не хочет, чтобы Боб ее трахнул, - сказала Клаудия.

Виктория знала, что ее сестра сказала это только для того, чтобы смутить ее, и это сработало.

- А ты, - сказала ее мать спокойным голосом.

- Я а ... - Все в порядке, дорогая. Дай мне знать, когда решишься, -

Виктория и Клаудия была слишком смущена, чтобы двинуться с места, поскольку ее мать и сестра продолжали идти к дому.

Клаудия обернулась и увидела, что она стоит там. - Преодолей это. Это секс, и мы все им занимаемся.

В доме Боб что-то обсуждал с Линдой и не поднимал глаз, пока Элизабет не начала суетиться. Виктория внезапно почувствовала себя очень голой. Это было не из-за Боба, он и раньше видел ее обнаженной, на всех других женщинах были рабские ремни и ошейники, которые ничего не закрывали, но заставляли ее чувствовать себя очень, раздетой.

Она чувствовала, что ей не место здесь, и это ее пугало.